

КОНСТРУИРУЯ ЭПОХУ: МУЗЕЙ ВОЖДЯ, МУЗЕЙ ТИРАНА, МУЗЕЙ НАРОДА В ГИРОКАСТРЕ, АЛБАНИЯ

В работе в парадигме антропологии анализируется происходящая в наше время трансформация форм и презентации традиционной культуры, традиционного уклада жизни и семейных ценностей на примере Албании, пережившей за последнее столетие радикальную смену нескольких общественно-политических, экономических и идеологических формаций. В качестве кейса выбран Этнографический музей в Гирокастре, родном городе коммунистического лидера страны Энвера Ходжи (1908–1985). Интерес к данной проблематике продиктован возрастающей ролью антропологии музейного дела, фокусирующейся в наши дни на процессах управления восприятием прошлого через артефакты и коллективную память с привлечением методик и подходов, принятых как для изучения традиционных обществ, так и для инновационных стратегий конструирования общественного сознания и навязывания актуальных для местных элит на данный момент идеологем. На протяжении пары последних столетий основными местами соприкосновения с прошлым в большинстве регионов Европы были музейные пространства, не потерявшие своей важности до наших дней. В Албании, значительно отстававшей от остальной Европы в экономическом плане, развитие музейного дела стало развиваться позже, лишь в середине XX в. И в музейные пространства здесь были превращены прежде всего локусы, имевшие отношение к «признанным» лидерам страны, будь то замок Скандербег (XV в.) в Круе или дом семьи Ходжи в Гирокастре. Расширяющиеся связи с миром, глобализация информационного пространства, развитие туризма способствовали появлению новых форм «реализации» этнографических знаний и музейных услуг — прежде всего через гибкое конструирование истории, индустрию реплик музейных артефактов и пр. Предлагаемый автором анализ является попыткой расшифровки сложного процесса отношений между этнографом и посетителем музея, чиновником и потребителем товаров и услуг, человеком и обществом.

Ключевые слова: музей, албанцы, идеология и экспозиция, конструирование истории, Энвер Ходжа, коммерциализация традиционной культуры

Ссылка при цитировании: Новик А. А. Конструируя эпоху: музей вождя, музей тирана, музей народа в Гирокастре, Албания // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 30–48.

U DC 39+06(069)

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/30-48

Original Article

© *Alexander Novik*

CONSTRUCTING AN ERA: THE LEADER'S MUSEUM, THE TYRANT'S MUSEUM, THE PEOPLE'S MUSEUM IN GJIROKASTRA, ALBANIA

Through the anthropological paradigm, this work analyzes the current transformation of presentation of traditional cultural forms, way of life and family values, using Albania as an example. This country has experienced a radical change in several socio-political, economic and ideological formations over the past century. The case study chosen is the Ethnographic Museum in Gjirokastra, the hometown of the country's communist leader Enver Hoxha (1908–1985). The anthropology of museum work focuses on managing perceptions of the past through artifacts and collective memory. It uses methods and approaches adopted both for the study of traditional societies and innovative strategies that used to manipulate public opinion and to impose ideologies. Over the last couple of centuries, museum spaces were the main places of contact with the past in most regions of the Old World, and they have not lost their importance to this day. In Albania, which lagged significantly behind the rest of Europe in economic terms, the start of museum work began to develop later, only in the middle of the 20th century. In Albania the first localities to be transformed into museum spaces were those related to the “recognized” leaders of the country, such as the Skanderbeg's castle (15th century) in Kruja or the Hoxha family's house in Gjirokastra. Expanding connections with the world, the globalization of the information space, and the development of tourism have contributed to the emergence of new forms of “implementation” of ethnographic knowledge and museum services — primarily through flexible historical narratives, the production of museum artifacts replicas, etc. The analysis proposed by the author is an attempt to decipher the complex relationship between an ethnographer and a museum visitor, an official and a consumer of goods and services, a person and society.

Keywords: museum, Albanians, ideology and exhibition, construction of history, Enver Hoxha, commercialization of traditional culture

Author Info: Novik, Alexander A. — Ph.D. in History, Head of the Center for European Studies, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: njual@mail.ru

For citation: Novik, A. A. 2025. Constructing an Era: The Leader's Museum, the Tyrant's Museum, the People's Museum in Gjirokastra, Albania. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 30–48.

Место памяти, гордости и скорби

На юге Албании, примерно в 10 километрах от границы с Грецией, расположен город Гирокастра, являющийся одним из самых важных урбанистических центров

страны, ставший таковым не столько в силу экономических и социальных достижений, сколько благодаря неопенимому вкладу в историю, культуру, искусство, поддержание традиций албанского народа¹. Основанный еще древними греками, город стал символом утверждения албанской идентичности в эпоху Средних веков, затем при правлении османов (до 1912 г.), а позже явился знаковым форпостом на рубежах молодого балканского государства (*Pulaha* 1984; *Riza* 2004; *Novik* 2020: 157–182; *Gjirokastra* 2025). В Гирокастре родилась плеяда известнейших ученых, писателей, общественных деятелей, прославивших город далеко за пределами страны: среди них необходимо назвать крупнейшего этимолога с мировым именем Экрема Чабея (1908–1980); лауреата самых престижных литературных премий писателя Исмаиля Кадаре (1936–2024) (неоднократно также выдвигавшегося на Нобелевскую премию); албанского коммунистического партийного лидера Энвера Ходжу (1908–1985) (*Elsie* 2004). Благодаря последнему город во многом сохранил свой первозданный архитектурный облик (*Рис. 1*), позволивший Гирокастре в 2005 г. войти в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (UNESCO, d. 569).

Рис. 1. Вид на старый город. Гирокастра, Албания. Август 2018 г.
Фото А. А. Новика

На протяжении XX века город пережил вместе с остальной страной вызовы времени: сложности национального строительства на руинах Османской империи; греческую и итальянскую фашистскую оккупацию (1939–1943); приход немецких нацистов (1943–1944); власть местных коммунистов, пытавшихся построить социализм с помощью Советского Союза, затем Китая, а позже опираясь полностью на собственные силы; трудную эпоху демократических преобразований в начале 1990-х годов. Каждый период, ломая прежние до-

стижения, выдвигал свои, помимо политических, экономических и общественных, идеологические и культурные установки.

Албанские коммунисты, сумевшие в ноябре 1944 г. полностью освободить страну от фашистско-нацистских войск, пользовались большим уважением у соотечественников — они достигли цели с безусловной поддержкой Советского Союза, но без участия советских войск на территории страны (это единственное государство бывшего Восточного блока, очищенное от захватчиков местными партизанскими отрядами) (*Смирнова* 2003: 253–254). Энвер Ходжа, возглавлявший освободительную борьбу албанского народа, был любим не только своими соотечественниками, но и обласкан И. В. Сталиным и другими лидерами мирового коммунистического движения. Из Советского Союза поступала экономическая помощь, приезжали специалисты, доставлялось оборудование, а вместе с ним прибывали технологии, материалы и пр. С помощью СССР и опираясь на его опыт, в стране возникли первые научные и высшие учебные заведения: Институт исследований (1948), Институт наук

¹ Город, благодаря знаменитому роману своего уроженца И. Кадаре, получил поэтическое название «Хроника в камне» (*Kadare* 2000).

(1952), Тиранский государственный университет (1957) и др. Тогда же были созданы первые этнографические институции: возникшие в стране кадры стали издавать профессиональные журналы и печатать профильные монографии, а в основных городах были открыты этнографические музеи либо этнографические экспозиции при исторических либо краеведческих музеях (о развитии этнографии в этот период смотри несколько идеологически предвзятую, о чем свидетельствует даже название «Этнограф при диктатуре: знание, государство и наш холокост» (алб. “Etnografi në diktaturë: dija, shteti dhe holokausti ynë”), но достаточно ценную с точки зрения привлечения архивных материалов монографию: *Bardhoshi, Lelaj* 2018).

В Гирокастре, которая в годы Второй мировой войны оставалась важным центром партизанского сопротивления, о чем никогда не забывало партийное руководство, было принято решение об открытии музея в 1966 г. (Muzeu Etnografik 2025). К этому времени Энвер Ходжа, не принявший критики Н. С. Хрущева в отношении И. В. Сталина и оценки его роли в мировой истории, полностью переориентировался на КНР (инициатором разрыва всех отношений, включая дипломатические, между СССР и Албанией выступила, между прочим, в 1961 году Москва) (*Смирнова* 2003: 310–326). В Китае в 1960-е годы начался период культурной революции, которая боролась со всеми пережитками феодально-буржуазного уклада, куда попадали и многие явления и артефакты традиционной культуры (!). Албания, вынужденно принимая у себя насаждаемую китайскими товарищами идеологию, на декларативном уровне ее поддерживала, а в плане практическом ей всячески противостояла. В действительности громкоговорители в Тиране транслировали спектакли пекинской оперы, однако мало кто к таким концертам — как к чуждым и, главное, насаждаемым властями, — относился с пониманием и уважением (ПМА 2002). Зато изгнать пиетет в обществе к собственным культурным достижениям предшествующих поколений почти не представлялось возможным.

Именно на этом фоне открывался Музей в Гирокастре. По задумке властей он должен был прославлять албанского лидера — Энвера Ходжу. И музей создавали в доме, где в 1908 г. родился будущий руководитель — вернее, на том месте, где он родился, так как подлинный дом сгорел во время пожара 1964 г. Возможно, факт уничтожения сакрального для Албанской партии труда локуса сподвигнул чиновников на создание прижизненного мемориала. За два года дом семьи Ходжи в квартале Палёрто был отстроен заново — даже еще больше, лучше, традиционнее и сакральнее (*Рис. 2*). Вместо просторной городской усадьбы XIX в. вырос огромный комплекс в четыре этажа в традиционном гирокастритском стиле, у дома большое число помещений, 64 окна, просторный каменный подвал для хранения вещей и продуктов, обязательная для местных домов «цистерна» для воды на 130 тысяч литров, бункер на случай войны или землетрясения, 6 туалет-

Рис. 2. Этнографический музей. Гирокастра, Албания. Август 2018 г. Фото А. А. Новика

ных комнат, хаммам и система укрытий для защиты (Muzeu Etnografik i Gjirokastrës 2025). Официально музей, открывший свои двери для посетителей в 1966 г., получил статус и название Музея национально-освободительной войны (иначе: Музей антифашизма). Однако всем жителям страны, даже тем, кто никогда не бывал в Гирокастре, комплекс был знаком как музей Энвера Ходжи (АМАЭ 2015А).

В музее была воссоздана атмосфера зажиточного дома начала века: обязательный набор комнат для членов семьи и гостей, бытовых помещений, их обстановка и выверенное убранство (об архитектуре гирокастритских домов и их обустройстве см. содержательные работы: *Riza* 2004; *Kiel* 2010; *Riza* 2011: 30–36). По задумке исполнителей мемориала, его посетителей должна была трогать именно воссозданная «правда» албанской жизни — именно традиционные интерьеры, утварь, семейный дух, седые предания и легенды, в мир которых вторглись незваные враги, дали последним достойный отпор, изменив мир навсегда, сохранившись при этом сами как непреходящие ценности местной культуры и традиций. Одновременно это был завуалированный этнографический ответ на вызовы времени, требовавшие отказа от проклятого прошлого: буржуазного быта, хвастовства богатством, демонстрации достатка, маркеров социального и гендерного неравенства, религиозных пережитков и пр.

Получив возможность влиять на сознание реальных и виртуальных (через СМИ) посетителей, Музей в Гирокастре три десятилетия воспитывал в людях чувство гордости локусом, городом, страной, народом и лидером. Энтузиазм строителей социализма, подкрепляемый в первые десятилетия после освобождения от оккупантов очевидными успехами в сфере образования, культуры, науки, искусства, а также значительным экономическим ростом и улучшением благосостояния, обеспечивал авторитет Энвера Ходжи в широких массах населения (можно обратиться к фольклорным материалам, которые фиксировались — и вряд ли фальсифицировались — исследователями: *Haxhihasani* 1985: 75–88; *Panajoti, Kruta* 1985: 89–108). Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что первые демократические выборы, состоявшиеся после крушения «коммунистической диктатуры» в 1991 г., продемонстрировали, что большинство избирателей проголосовали за бывших коммунистов, поставив в тупик многих политтехнологов как внутри страны, так и за рубежом (*Смирнова* 2003: 370).

Музей в Гирокастре был рупором центральной власти — в город приезжали многочисленные делегаты из различных уголков страны, чтобы воочию увидеть родные места товарища Энвера, дом, где он родился, округу, в которой активно велась партизанская война, старинные гирокастритские улицы, традиционные дома, привычное и такое близкое и понятное для многих убранство в них (ПМА 2015). После смерти Энвера Ходжи в 1985 г. число паломников в Гирокастру лишь увеличилось, так как многие стремились прикоснуться к памяти ушедшего лидера. В столице Тиране началось возведение усыпальницы руководителя, где планировали сохранить его забальзамированное тело¹. Эти два локуса — родительский дом и столичный мавзолей — были основными местами памяти многолетнего правителя страны. К этому времени почти вся Албания была превращена в единый монумент Ходжи — в городах и деревнях возвышались памятники ему, его именем были

¹ Перемещенное в 1992 г., после революционных потрясений начала 1990-х, в условиях строгой секретности с мемориального кладбища на возвышающемся над Тираной холме на обычное кладбище на городской окраине (*Смирнова* 2003: 383).

названы улицы, фабрики, стадионы, школы и пр. Однако музей в Гирокастре оставался самым наглядным, понятным, любимым и «интимным», так как обращался к детству Энвера, затрагивая личные чувства людей, и перебрасывал мост между социалистическим настоящим и не теряющим ценности прошлым, музеефицируя традиционную культуру в ее различных аспектах.

Крушение системы монизма¹ ознаменовалось тотальным изгнанием не только памятников Энверу Ходже из общественного пространства, но и воспоминаний о нем из жизни и памяти народа. Бывшему лидеру были приписаны все реальные и мнимые преступления — создание репрессивной системы госбезопасности, массовые ссылки и расправы с неудобными, изоляция страны от внешнего мира, неумение управлять экономикой, установление культа личности и многое другое. Уже в 1991 г. Музей национально-освободительной борьбы был переименован в Музей этнографии с соответствующим переформатированием экспозиции (Muzeu Etnografik 2025). Местные власти в Гирокастре не стали отстаивать права сохранить память о своем земляке перед лицом давления из Тираны — они действовали в русле национальных тенденций. Можно вспомнить здесь музейный комплекс Сталина в грузинском Гори, где мемориал сохранили до настоящего времени, несмотря на развенчание культа личности бывшего советского вождя после его смерти повсеместно в СССР. (Вспомним и тот факт, что памятники Иосифу Сталину, равно как и название города Сталин, бывшей Кучовы, и других промышленных объектов и учебных учреждений сохранялись в Албании до демократических преобразований и были снесены не властями, а восставшими против диктатуры жителями страны.) Не все, однако, происходило «просто» в Гирокастре. Отказавшись от музея Энвера Ходжи (пусть и называвшегося иначе), местные власти сохранили празднование памяти павших в годы Второй мировой войны героев, а также поддерживали их памятники и места знаковых событий (АМАЭ 2015А). На протяжении нескольких десятилетий после демократизации страны центральные власти пытались редуцировать память о национально-освободительной войне, стараясь внушить гражданам идею о том, что та война была во многом классовой и братоубийственной, а значит не стоит устраивать торжественных церемоний при большом стечении народа. Гирокастриты игнорировали мнение тиранской правящей элиты и продолжали собирать многолюдные памятные мероприятия на местах захоронений воинов — кладбища 29 ноября и в другие даты превращались в места паломничества (ПМА 2004). Лишь недавно албанское общество и власти пришли к консенсусу — день освобождения от фашизма в 1944 г. снова считается важной датой истории (Смирнова 2003: 253; ПМА 2023).

Во всем этом стремительном калейдоскопе событий место музея в Гирокастре остается знаковым — идеологический отказ от чествования диктатора и его эпохи не смог превратить дом Ходжи в тотальное отрицание его заслуг, установка на продвижение традиционных ценностей вместо партийных догм имеет обратное действие, так как посетители выставочного пространства волей-неволей примеряют «за» и «против» различных общественных систем — антагонистов, и даже те, кто знает о прошедшей эпохе со слов близких либо вообще не знает ничего, не воспринимают «дом, где родился дядюшка Энвер» местом скорби, а скорее ценят как место, где творилась история их страны, история Балкан и Европы.

¹ Монизм — алб. *monizëm, -mi*, досл. «правление одного» (от греч. *μόνος* ‘один, единственный’), этим термином в Албании называют период диктатуры Э. Ходжи.

«Мои родители жили в деревне, как рабы. У них ничего не было. Только работали. И за это ничего не имели. Страшный был режим. Хорошо, что его нет. И мы можем жить теперь, как хотим».

[Информант албанец из Мальсии-и-Тиранес, 1991 г. р., агент по недвижимости в Тиране, беседа записана в сентябре 2018 г.] (ПМА 2018).

«Слушай, а как у вас отопление зимой работает? Что такое центральное отопление?.. Я, наверное, слышал, что раньше такое было в Тиране и других городах. Но потом, в начале 1990-х, его перестали поддерживать и оно полностью вышло из строя. Энвер — молодец! Он многое, что сделал для народа. Много-много! Но только это не ценили. А теперь вот капитализм, каждый решает свои проблемы сам».

[Информант албанец из Мальсии-и-Тиранес, 1991 г. р., агент по недвижимости в Тиране, беседа записана в сентябре 2023 г.] (АМАЭ 2023).

Традиция как идеология

За XX век Албания пережила смену нескольких общественно-политических, экономических и идеологических формаций: освободившись в 1912 г. от почти пятивекового османского господства, страна сумела попробовать монархическое правление иностранного ставленника принца Вильгельма Вида (1914), республиканское правительство симпатизировавшего Советской России «красного епископа» Фана Ноли (1924), доморощенную монархию Ахмета Зогу, объявившего себя королем албанцев Зогу I (1928–1939), итальянскую фашистскую оккупацию (1939–1943), сменившуюся немецкой нацистской (1943–1944), почти полвека правления коммунистов (1944–1991), большая часть которого прошла под руководством харизматичного, но исключительно деспотичного лидера Энвера Ходжи, сложность демократических преобразований начала 1990-х годов, строительство рыночной экономики, присоединение к НАТО (2009) и многолетнюю мечту о вступлении в Европейский Союз, пока не реализованную. За частой сменой векторов внешней и внутренней политики, ценностных ориентиров и идеологических установок, как правило кардинально менявших привычные правила и устоявшиеся стереотипы, оставалось нечто, что объединяло албанцев несмотря на все исторические и цивилизационные перипетии — а именно, желание сохранить традиции — а если не сохранить, то хотя бы открыто декларировать такое желание, учитывая исключительно консервативный характер подавляющего большинства албанского общества (см.: *Tirta* 2004; *Иванова* 2006; *Tirta* 2006).

Калейдоскоп событий, стремительно происходивших на западе Балканского полуострова (*Мартынова* 1998; *Glenny* 2001), неумолимо девальвировал многие существенные ценности предыдущих эпох, однако неизменно сохранял важность патриархального уклада: так, знатность происхождения и богатство переставали быть путевкой вхождения в политическую элиту, как было в поздний период при османах, но необходимость принадлежности к семье и роду с хорошей репутацией оставалась почти обязательным условием; поддержание равновесия морально-нравственных и идеологических установок было решительным для индивидуального и коллективного развития; а личная смелость и следование заповедям предков было незыблемым правилом карьерного роста при монархии, республике или тоталитарной диктатуре.

Отвергая идеологические установки предшественников, все без исключения силы, приходящие в стране к власти, брали — или декларировали — курс на со-

хранение традиций как самых важных достижений албанского народа за все века его проживания (Doja 2015: 44–75; Abazi, Doja 2016: 163–178; Novik 2020: 157–182; ср. теоретические исследования не на албанском материале по данной теме: Carrithers 2004: 433–456; Hasbrouck 2018). В значительной степени от властей придерживающихся даже не требовалось усилий по ревитализации тех или иных аспектов традиционной культуры: так, до середины XX в. многие жители сельской глубинки и небольших городов носили традиционную одежду в повседневной жизни, а не только по праздникам, как было в больших городах; убранство жилища демонстрировало удивительную приверженность старинным вкусам; утварь, мебель, бытовые предметы наследовались от поколения к поколению и с трудом уступали место новодамам фабричного производства (в данном случае скорее не из-за преданности старине, а в силу ограниченности финансовых возможностей).

Ярким примером сохранения живой традиции производства и использования народной одежды в стране во второй половине XX в. может послужить факт съемки полнометражного художественного фильма «Великий воин Албании Скандербег», совместного сотрудничества советских и албанских кинематографистов (понятно, что албанская часть, т. е. киностудия, тогда и создавалась — во время съемок данной картины). Фильм был снят в 1951 г. советским режиссером еврейского происхождения Сергеем Юткевичем (1904–1985). Для масштабных съемок эпической исторической картины, действия которой разворачиваются в XV в., были приглашены сотни крестьян из округа Круи, центра антиосманского сопротивления, где располагался родовый замок семейства Кастриоти. В многочисленной кинематографической массовке снимались крестьяне, приходившие на съемки из окружающих деревень. Они надевали «для кино» ту одежду, которая хранилась у них дома в сундуках и которую они надевали по праздникам, либо ту одежду, в которой они ходили в повседневной жизни и которую считали традиционной для своей местности. По замыслу режиссера и консультантов фильма, таким образом передавалась атмосфера эпохи — по наивности, а может быть и осознанно, они шли на этот шаг, считая или, возможно, лукаво декларируя, что народный костюм не подвержен трансформациям на протяжении очень длительного времени — и тот костюм, который бытовал в эпоху Скандербега, сохраняется в качестве традиционного в наши дни. Это, конечно, не так. Костюм, даже крестьянский, подвержен инновациям, веяниям моды и т. п. Однако сохранение традиционного костюма, его широкое бытование в эпоху индустриализации в XX в. служило ярким маркером живучести народной культуры. И эта часть кинематографической задумки стала одной из самых удачных — зритель словно переносился в прошлое. И речь здесь прежде всего об иностранном зрителе (советском и др.). Для албанцев это было совершенно естественной ситуацией. Добавим лишь, что со времени войн Скандербега с османами до съемок советско-албанской картины прошло 500 лет.

Понятно, что когда встал вопрос о создании музея на пепелище дома семьи Ходжи, вопрос о насыщении экспозиции этнографическими предметами не стоял: почти в каждом городском доме, в селах в округе сохранялось значительное количество гладкотканых и ворсовых ковров, разноцветных покрывал, столового и постельного белья, одежды, кухонной утвари, предметов мебели и проч., которые не только достались от предков, но продолжали производиться по старинным образцам и с использованием старых технологий мастерами, сберегающими традиции региона не ради поддержания ремесла или художественного промысла (как это часто име-

Рис. 3. Традиционная мебель в
Этнографическом музее. Гирокастра,
Албания. Август 2018 г. Фото А. А. Новика

ет место сейчас), а для обеспечения насущных потребностей современников (Рис. 3). Лишь позже партийные и хозяйственные власти Албании станут предпринимать активные шаги по сохранению традиционных художественных промыслов — с этой целью в крупнейших городах будут открыты крупные специализированные комбинаты. Их изделиям власти придадут статус идеологически приоритетных, так как они имели непосредственную связь с народной культурой, а власть всегда позиционировала себя как «власть народа» (ср.: *Panajoti, Kruta* 1985: 89–108).

Приумножая и приукрашая: мощь и богатство

Идеологическая машина государства, строившего социализм, требовала крупных масштабов и ярких образов в деле возведения монументов любого уровня (ср.: *Anastasova* 2011: 159–169). Когда встал вопрос о создании музея вождя, ведущего свой народ в светлое будущее, средств и ресурсов партийное руководство, понятно, не пожалело. Энвер Ходжа был из состоятельной гирокастритской семьи, которой принадлежал добротный каменный дом в квартале Палёрто в старой части города (*Gjirokastra* 2024; 2025). Семья была состоятельной, но отнюдь не самой богатой и не самой влиятельной в округе. Перед создателями мемориального дома-музея стояла задача возвеличить лидера, сделав акцент на то, что юный Энвер увлекся идеями марксизма о социальном равенстве и всеобщем благоденствии, несмотря на свое происхождение и исключительное материальное благополучие в условиях феодально-буржуазного общества. С этой целью дом семьи Ходжи достроили и надстроили — как по периметру, так и по этажности. Представляемая как типичная городская, резиденция превзошла все традиционные дома в Гирокастре по размерам и качеству отделки — «ее сложно даже сфотографировать, так как она заняла часть площади и очень плотно подступила к другим домам» (ПМА 2018).

«Что они при монизме думали? Хотели показать, как жили все гирокастри-ты? Так это не так! Или хотели показать, что семья Ходжи была самой богатой? Это тоже не так! Они были середнячками. Деньги у них водились. Но в число самых влиятельных семей Гирокастры они не входили. А здесь им такое отгрохали — будто они первое семейство в стране. Многие их и не знали, пока Энвер не стал лидером. Придумали историю!»

[Информант албанец, родом из Гирокастры, около 50 лет, работает электриком, запись беседы в мае 2015 г.] (АМАЭ 2015А).

Наряду с гигантоманией — возведением грандиозной резиденции — были приняты активные действия и по «начинке» мемориала. По задумке исполнителей

дом должен был представлять различные сюжеты семейной жизни и проведения досуга: где домочадцы встречали гостей, где готовили пищу, где устраивали трапезы, в каких помещениях спали, где у них рождались дети и т. п.¹ Эта презентация жизни должна была установить мост взаимопонимания (и восхищения!) между посетителями дома-музея и лидером страны: экспозиция знакомила пришедших с бытовой стороной повседневности семьи вождя, который, оказывается (!), не только думает о своем народе, мудро руководит, разоблачает врагов, выступает с пламенными речами и пишет научные труды, но также ест, спит, общается с родными и вообще не обременен человеческими заботами и привычками. А еще — у него было детство, как у многих других, и он не провел все время в партизанской борьбе с оккупантами, отказавшись с юности от благ, дававшихся благодаря происхождению, а был привязан к родителям, трепетно относился к семейным узам, был, по-видимому, не лишен человеческих слабостей и привязанностей. Однако лидер, по задумке создателей музея, не мог быть просто одним из всех, а должен быть особым, выдающимся, ни с кем не сравнимым — его должны были окружать исключительные вещи, совершенные по исполнению, самые лучшие в своем роде, обязательно традиционные — *свои*, албанские, гирокастритские, родные (Рис. 4).

Рис. 4. Традиционная женская обувь в Этнографическом музее. Гирокастра, Албания. Сентябрь 2023 г. Фото А. А. Новика

Исполнить такую задумку не представляло труда — несмотря на то, что подлинных вещей, бытовавших в доме Ходжи, сохранилось совсем не много, наполнить экспозицию «помогли» экспроприации и конфискации имущества у «буржуазного элемента». Безусловно, часть вещей дарилась горожанами, часть собиралась специалистами в экспедициях (АМАЭ 2015А; 2015Б).

Рис. 5. Комната для гостей в Этнографическом музее. Гирокастра, Албания. Август 2018 г. Фото А. А. Новика

Дом-музей оказался заполненным высокого уровня исполнения этнографическими артефактами: это традиционная одежда из бархата с золотым шитьем и аппликацией золотым гайтаном; украшения из серебра, выполненные в технике филигранны; предметы мебели из дерева, украшенные резьбой; безворсовые ковры *килимы*;

¹ По схожей схеме пошли и создатели музея писателя Исмаила Кадаре в Гирокастре в 2000-е годы (*Vëlaj* 2000; ПМА 2004; 2018; 2023).

шерстяные покрывала *велендзы*; кухонная и нарядная столовая посуда; различная домашняя утварь и пр. Подбор предметов для экспозиции осуществлялся очень тщательно: все экспонаты соответствовали высокому уровню убранства жилища состоятельного албанского семейства (Рис. 5). Нужно отдать должное музейным сотрудникам: они постарались подобрать вещи, относящиеся к одной эпохе — рубежу XIX–XX веков, с редким включением более старых артефактов, которые также часто бережно хранились в giroкастритских семьях, и небольшого числа новоделов. Посетители «дома, в котором родился Энвер», попадали в атмосферу стилизованной роскоши, хорошего вкуса и привязки к этническим корням.

«Посмотрите, как раньше жили люди, как хорошо они жили. Мы, албанцы, умели устроить свой быт. Вот, как говорят, та комната, в которой родился Энвер [большое внутреннее помещение, устланное коврами, с красивым резным камином. — А. Н.]. А это его колыбель. Может, и не его, но очень похожая, и того же времени. Это так важно — понимать связь поколений».

[Информантка албанка, около 60 лет, с экскурсией в музей, запись беседы в музее в сентябре 2008 г.] (ПМА 2008).

Откровенная мистификация и музеефикация (в данном случае это почти симбиоз стратегии презентации) всего, что могло быть связано с вождем хотя бы отдаленно, призваны были заставить поверить в исключительность первого человека в государстве и правоту его убеждений. Среднестатистический албанец, житель села или города, скромно живший в стесненных условиях, в лишенных многих удобств домах или малогабаритных квартирах, стоявший в очередях за продуктами и товарами первой необходимости, призывавшийся на частые военные сборы и трудовые акции по строительству дорог, инфраструктуры и т. п. или сельскохозяйственные работы, понимал, что все трудности, с которыми он сталкивается, лишь временны, и лидер, который с детства имел все то, о чем и не мечтал «простой человек», но отказался от благ ради идей строительства социализма, приведет страну к светлому будущему — т. е. победе коммунизма. А это значит, ему, «простому человеку», будет хорошо и сытно.

Именно поэтому подобранная кухонная утварь в экспозиции музея была начищена до блеска, а не демонстрировала следы бытования, то бишь копоть от плиты или очага; женские и мужские наряды сверкали обилием золотного шитья, не тронутого временем; а мебель была исключительно парадной — все, что не соответствовало статусу лидера, было изначально не допущено в музейное пространство.

Фольклоризируя и коммерциализируя: туристы и доходы

Относительно долгий «переходный» период «Дома Ходжи» от музея вождя до музея этнографии, занявший почти треть века — с начала 1990-х до начала 2020-х годов, неожиданно для самих организаторов экспозиции, музейных сотрудников, работников департамента культуры и городских, а также центральных властей завершился невообразимым прежде бумом посещаемости. Если в годы строительства социализма в музей на экскурсии со всей страны приезжали организованные группы — прежде всего, чтобы почтить сакральное место становления государственного и партийного деятеля, и число этих посещений было значительным, учитывая небольшие размеры страны, то со смертью Э. Ходжи в 1985 г., последовавшим

периодом неудачных попыток преемственности его курсу, а затем полным отказом от прежней политики, сопровождавшимся социальными потрясениями и коренной перестройкой экономических, идеологических и культурных основ, количество визитов в музей на два десятилетия исключительно редуцировалось. Наспех переделанная экспозиция, призванная отказаться от призраков коммунизма и возвеличить ценности традиционной культуры албанского народа, оказалась на какой-то срок невостребованной — в музей изредка приходили ради любопытства местные жители, а также забредали немногочисленные туристы из других частей страны, если у них оставалось время после посещения древней цитадели — крепости Гирокастры — и прогулок по атмосферным старым улицам города (см.: Новик 2024: 198–223). Иностранные туристы в 1990–2010-е годы были большой редкостью, за исключением дней проведения Фольклорного фестиваля (2004, 2015) (Новик 2016: 280–283; Novik 2020: 157–182). Каждый зарубежный посетитель окружался заботой — помимо бонуса в виде копеечного входного билета, он почти всегда получал бесплатную экскурсию или, по крайней мере, обстоятельное объяснение представленных артефактов со стороны сотрудников музея (АМАЭ 2015А).

Все резко изменилось в 2020-е годы. Ковидные ограничения по всему миру резко сократили возможности зарубежного туризма. В Албании запреты были введены, однако соблюдались с достаточной степенью либеральности. Пока в 2020-м г. европейский туризм терпел убытки, в Албании отчитались о хорошем туристическом сезоне. Албанцы много путешествовали по своей стране, а также принимали гостей из-за рубежа. В последующие годы был зафиксирован чрезвычайный рост въездного туризма в страну. Так, в 2023 г. Албанию посетило более 11 миллионов иностранных туристов (INSTAT 2023). (К слову, в Хорватии, более 60 лет привлекающей к себе на летний отдых иностранцев и имеющей, отметим, чем их заинтересовать, помимо 900-километрового Далматинского побережья Адриатики, побывало около 14 миллионов гостей.) В 2024 г. Албанию посетило рекордное число туристов из-за рубежа — более 13 миллионов (INSTAT 2024). При этом власти страны, согласно официальным отчетам (будем считать, что им можно доверять), стали скрупулезно фиксировать только обладателей иностранных паспортов, не включая граждан Косово, Северной Македонии, а также представителей многочисленной албанской диаспоры в Европе и мире (многие из них владеют двумя паспортами). Даже если пограничные службы лукавят, это все равно весьма впечатляющие цифры для страны, которая еще несколько десятилетий назад была наглухо закрыта от остального мира железным занавесом.

Приток иностранных туристов очевиден не только на побережье Адриатического и Ионического морей, в столице и городах-музеях, но и в самых удаленных уголках страны. Улицы Гирокастры в туристический сезон запружены любопытными со всего мира: из Италии, Германии, Польши, Чехии, США и других стран (АМАЭ 2023). Многие из них не ограничивают свое знакомство с городом лишь крепостью и посещением ресторанов, предлагающих блюда местной кухни, а отправляются изучать местные музеи (Visit Gjirokastra 2025). Этнографический музей стал местом притяжения для них. И музей очень быстро откликнулся: чтобы привлечь как можно больше посетителей и не разочаровать их ожиданий, музейное пространство расширили — были открыты новые помещения по периметру и под крышей. Музейную экспозицию разнообразили, а тематику изменили — теперь Этнографический му-

зей представляет не только гирокастритскую городскую культуру быта, но и традиции всей округи, а также других регионов Албании. Если раньше, к примеру, в мемориальном доме была представлена одежда жителей референтных групп Гирокастры — она висела большей частью на вешалках на стенах (!), то теперь экспозиции костюма отведена специально подготовленная просторная комната второго этажа — в ней выставлены на манекенах костюмные комплексы города Гирокастры, краин Люнджерия (албанцы православные), Дропул (греки православные) и др. (о традиционном костюме албанцев в разных регионах страны см. обстоятельную монографию: *Gjergji* 1988).

Музейное пространство оказалось начиненным разнообразными артефактами, среди которых с большим трудом по узким лестницам пробираются посетители, знакомиющиеся с традиционной культурой албанцев — уже не только Гирокастры, но всего государства на западе Балкан.

«Соб.: Здравствуйте! А вы из России?

А. Н.: Да, а вы?

Соб.: Мы из Швеции. Из Стокгольма.

А. Н.: Но вы очень хорошо говорите по-русски!

Соб.: У меня мама — русская. Я родился в Швеции. А язык знаю от нее. Она из Санкт-Петербурга. Я там тоже бываю. В Ковид только не ездил.

А. Н.: В Албанию вы приехали как туристы?

Соб.: Да! Я приехал со своим другом, а это наши подруги [по внешности — азиатки]. Нам нравится в Албании. Гирокастра — прекрасный город! И здесь такой хороший музей — столько всего представлено. Можно познакомиться со всей страной, даже если больше нигде здесь не был. Очень интересная культура!»

[Собеседник швед с русскими корнями, около 20 лет, из Стокгольма, запись беседы в Этнографическом музее, Гирокастра, в сентябре 2023 г.] (АМАЭ 2023).

Чтобы насытить экспозицию «злободневными» артефактами, в музейное пространство впустили «джинна» — новоделы XX и даже XXI в., которые призваны заменить отсутствующие в музейном фонде этнографические предметы. С одной стороны, такое легкое обращение оправдано — к примеру, когда речь заходит о белоснежных занавесках с шитьем, украшающих комнату для гостей или мужскую комнату дома: найти комплект вековой давности для украшения окон по большому периметру помещений является задачей почти не реальной. С другой стороны, случайные предметы быта — как то кухонная утварь, декоративные ткани и проч., бывавшие в сельской среде до недавнего времени, добавленные в экспозицию лишь с целью ее обогатить, выглядят весьма неубедительно, разрушая прежнюю цельную структуру организации экспозиции. Такая погоня за количеством создает атмосферу перегруженности, подменяя музей лавкой сувениров — пусть и высокого уровня исполнения и со своей историей (ПМА 2023).

Большой поток посетителей кардинально изменил парадигму презентации выставочного пространства. Если раньше, до туристического бума, музейные сотрудники, отлично знавшие экспонаты и особенности местной гирокастритской культуры, с удовольствием рассказывали о нюансах бытования того или иного предмета, то теперь большой штат скороспешно нанятых экскурсоводов пытается рассказывать «сказки об албанском прошлом», рассчитанные на малоосведомленных визитеров. Стоимость

входных билетов при этом существенно выросла, особенно для иностранцев, с ограничениями работают дискаунты для профессионалов (музейных сотрудников, преподавателей и проч.), оставляя лазейку лишь для журналистов, которые по задумке дирекции могут принести пользу музею, публикуя свои материалы о нем.

Этнографический музей стал коммерческим предприятием, которое должно приносить прибыль. А ресурсами извлечения прибыли стали этнографические экспонаты. Ревитализация традиционного быта, реплики старых вещей, попытки их копирования и введения в музейный контекст, наряду, конечно же, с эксплуатацией наследия прошлого в виде экспонатов подлинников и самого мемориального дома, стали основой новой музейной политики и идеологии. Стараясь фольклоризировать доставшееся наследство, новые акторы пытаются не только заработать, но и вдохнуть в старые или выдаваемые за таковые вещи новую жизнь — сделать их символами прошлого, имеющими непреходящую ценность для настоящего и служащими связующими звеньями между поколениями всех албанцев, где бы они ни жили.

Этнография и идеология, музей и люди, город и экономика: выводы и перспективы

Эволюция презентации исторических событий, исторических личностей, традиционной культуры и народного быта в Албании произошла столь стремительно на рубеже XX–XXI вв., что ее основные акторы — организаторы музейных пространств и их посетители — возможно, даже не заметили кардинальных изменений, коснувшихся этой одной из главных сфер идеологизации жизни людей, а если и заметили, то не смогли в полном объеме оценить все ее достоинства и недостатки (АМАЭ 2021).

Существовавшая на протяжении многих десятилетий система мемориализации и музеефикации прошлого через экспозиции музеев исключительно «съежилась» под брутальным натиском новых форм идеологических установок, распространяемых прежде всего через влияние СМИ и глобальной паутины, однако она не только не исчезла полностью, но в определенной степени укрепила свои позиции и застолбила за собой некоторые сферы деятельности — прежде всего, такие, как продажа и производство этнографических артефактов (аутентичных и реплик), сувениров и проч., имеющих прямое отношение к экономическому развитию, торговле, внутреннему и зарубежному туризму и др. (ср.: Кучерова 2024: 114–136).

Музеи всегда были и остаются рупором определенной государственной либо групповой (реже — индивидуальной) идеологии. Их создание всегда мотивировано стремлением сохранить, увековечить, а значит вывести из сферы бытовой в область сакрального определенные места, предметы, а также личности и коллективы, их деятельность и свершения, которые могут иметь разную оценку в различные исторические периоды.

Одним из самых показательных музейных пространств Албании является так называемый дом Энвера Ходжи в Гирокастре, который был создан в турбулентную эпоху партийной переориентации Албании с СССР на КНР и должен был увековечить место рождения национального лидера. Несмотря на то, что мемориал носил название Музея национально-освободительной войны, он создавался по примеру и подобию музеев Владимира Ильича Ленина в Советском Союзе, подобных мест памяти Мустафы Ке-

мая Атаюрка в Турции и др. Чтобы «связать» лидера с народом, организаторы музеев устраивали пышные этнографические экспозиции, в которых можно было проследить этапы становления будущего «отца нации» с момента рождения до возмужания и борьбы за светлое будущее своей страны. Привычные вещи домашнего обихода — колыбели, кухонная утварь, домашняя мебель, одежда и аксессуары и проч. — становились культовыми предметами, посмотреть на которые приезжали издалека compatriots и иностранцы. Видев в музейной экспозиции вещи, подобные которым можно было встретить в своем доме или у родных — бабушек, дедушек и др., у посетителей создавалась иллюзия приобщения к вождю, его делу, его борьбе и его устремлениям.

Стремительное крушение режима монизма, произошедшее в начале 1990-х, вынудило местные власти и музейных сотрудников отказаться от идола, которому поклонялись на протяжении почти полувека. Однако, убрав центральную фигуру экспозиции, музей сохранил основное содержание — этнографическую начинку мемориального пространства. И эта этнографическая составляющая как часть идеологии эпохи оказалась более живучей, чем остальные идеологические установки и партийная преданность.

В условиях развития внутреннего и зарубежного туризма этнографические предметы оказались устойчивыми константами сохранения культурного кода города и региона. Быстротечный период спроса на туристический сувенирный «шум» в виде макетов военных бункеров и проч. атрибутов периода строительства социализма, прошел уже в начале 2000-х, а спрос сохранился и даже существенно вырос на изделия традиционных ремесел: узорчатого тканья, вязания, резьбы по камню и дереву и др. Популярность музея способствует ковроткачеству, работе медников и ювелиров, других мастеров, которые изготавливают килимы, кувшины, украшения и проч., «которые есть в экспозиции дома Энвера, точно такие же и даже лучше» (Рис. 6). Современные туристы стремятся к аутентичности сувениров — многие из них предпочитают купить гладкотканый местный ковер или вязаные разноцветные носки, а не набившие оскомину магниты на холодильник. И это позволяет городу и округе

Рис. 6. Уличная торговля. Гирокастра, Албания. Август 2018 г. Фото А. А. Новика

развивать терявшие уже было значение и экономическую роль художественные промыслы и народные ремесла, являвшиеся еще в начале XX в. индустрией эпохи (на данную тему развития торговли и экономики в прошлом и настоящем см.: *Shkodra* 1973; *Brøgger* 2009: 318–333; *Hysa* 2012: 305–310; *Antrosio, Han* 2019; *Новик* 2023: 121–143; *Фаус-Леутская, Новик* 2024: 5–12).

Этнографический музей, по своему предназначению музеефицируя эпоху, конструирует идеологию про-

шлого, настоящего и будущего. И в зависимости от потребностей общества в конкретный период он возводит мосты между поколениями предшественников и потомков, сакрализируя традиционную культуру как константу преемственности навыков, достижений и непреходящих ценностей.

«В Тиране построили много башен [небоскребов]. Многим это не нравится. Тебе тоже? Моя подруга тоже их не любит. Нашего мэра сейчас посадили за коррупцию, в сфере строительства. Так вот, они строят сейчас башню в форме Скандербегга. Будет его фигура. Я против! Ты как к Скандербегу относишься? Я не хочу такого дома! Это возвеличивание человека, культ личности. А вот у нас есть дом в центре с национальным символом — флагом. Я поддерживаю! Ты говоришь, что это не флаг, а карта Албании? Так все равно! Главное — наш традиционный символ! А традиция — это святое».

[Информант албанец из Мальсии-и-Тиранес, 1991 г. р., агент по недвижимости в Тиране, беседа записана в апреле 2025 г.] (ПМА 2025).

Источники и материалы

- АМАЭ 2015А — Новик А. А. Традиционная одежда албанцев Албании, Косово, Македонии, Черногории и диаспоры. Полевые исследования в г. Гьирокастра, Албания (Festivali Folklorik i Gjirokastrës (Фольклорный фестиваль в Гьирокастре)). 07–19.05.2015. Полевая тетрадь. Автограф // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2254. 20 л.
- АМАЭ 2015Б — Новик А. А. Отчет об экспедиционной работе в г. Гьирокастра, Албания (Festivali Folklorik i Gjirokastrës (Фольклорный фестиваль в Гьирокастре)). Май 2015 г. 07–19.05.2015. Принтерный вывод // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2254. 12 л.
- АМАЭ 2021 — Новик А. А. Балканская экспедиция — 2021. Этнолингвистические исследования на Балканах. Часть I: Экспедиционная работа в Албании (г. Тирана; г. Дуррес; Голем, область Кавая; г. Влера; Тропоя). 29.07–22.08.2021; 05.09–03.10.2021. Полевой дневник. Автограф // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2279. 36 л.
- АМАЭ 2023 — Новик А. А. Балканская экспедиция — 2023. Этнолингвистические исследования на Балканах. Экспедиционная работа в Албании (Голем, округ Кавая; г. Дуррес; г. Саранда; г. Гирокастра; Ujë i Ftohtë, Terelena краина; г. Конисполь; округ Конисполь; краина Химара; Тирана). 01.09–17.09.2023. Полевые записи // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № вр. б/н. 98 л.
- ПМА 1990–2025 — Новик А. А. Косово, Албания, Северная Македония, Болгария, Черногория, Турция, Босния и Герцеговина. Полевые материалы автора. 1990–2025.
- Gjirokastra 2024 — Gjirokastra, Albania 2024. [Электронный ресурс]. http://www.gjirokastra.org/albanian/al_sublinks/per_gjirokastrën/mbi_gjirokastrën_historia.html (дата обращения: 25.04.2024).
- Gjirokastra 2025 — Gjirokastra, Albania 2025. [Электронный ресурс]. https://www.gjirokastra.org/sub_links/visiting_sub/visiting_ethnographic_museum.html (дата обращения: 10.04.2025).
- INSTAT 2023 — INSTAT. Institute of Statistics. 2023. [Электронный ресурс]. <http://www.instat.gov.al/en/figures/> (дата обращения: 30.12.2023).
- INSTAT 2024 — INSTAT. Institute of Statistics. 2024. [Электронный ресурс]. <http://www.instat.gov.al/en/figures/> (дата обращения: 30.12.2024).
- Kadare 2000 — Kadare I. Kronikë në gur / roman. Tiranë: Onufri, 2000. 306 f.
- Muzeu Etnografik 2025 — Muzeu Etnografik. [Электронный ресурс]. https://www.gjirokastra.org/albanian/al_sublinks/vizitoni_gjirokastrën/vizitoni_muzeu_etnografik.html (дата обращения: 10.04.2025).
- Muzeu Etnografik i Gjirokastrës 2025 — Muzeu Etnografik i Gjirokastrës. [Электронный ресурс]. <https://www.iett.al/muzeu-etnografik-i-gjirokastrës/> (дата обращения: 10.04.2025).
- UNESCO — UNESCO: World Heritage List: Historic Centres of Berat and Gjirokastra. [Электронный ресурс]. <https://whc.unesco.org/en/list/569/> (дата обращения: 15.08.2020).
- Velaj 2000 — Velaj O. Shtëpia e Kadaresë, muze etnografik: [Gjirokastrë] // Shekulli. 2000. No. 203. 26 korrik. F. 19.

Visit Gjirokastra 2025 — Visit Gjirokastra 2025. [Электронный ресурс]. https://visit-gjirokastra.com/article/the_ethnographic_museum (дата обращения: 10.04.2025).

Научная литература

- Иванова Ю. В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 368 с.
- Кучерова И. А. Исландские сувениры: “взгляд туриста” vs “местный взгляд” // Этнографическое обозрение. 2024. № 3. С. 114–136.
- Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. 466 с.
- Новик А. А. Традиционное vs фольклорное: «народная» одежда на фольклорном фестивале в Гирокастре // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. Материалы XIX Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–27 мая 2016 г. / Под ред. Н. М. Калашниковой. СПб.: ФГБОУВПО «СПбГУПТД», 2016. С. 280–283.
- Новик А. А. Базар и дюкян, ярмарка и маркет: эволюция торговли в Албании в начале XXI в. // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 121–143. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/121-143>
- Новик А. А. Крепость Гирокастры в Албании: музей и место памяти // Вестник культурологии. 2024. № 3 (110). С. 198–223. <https://doi.org/10.31249/hoc/2024.03.12>
- Смирнова Н. Д. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. 432 с.
- Фаус-Леутская О. Д., Новик А. А. О торговле в Европе: слово антропологам // Этнографическое обозрение. 2024. № 3. С. 5–12. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030013>
- Abazi E., Doja A. From the Communist Point of view: Cultural Hegemony and Folkloric Manipulation in Albanian Studies Under Socialism // Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. No. 2. P. 163–178.
- Anastasova E. The National Festive Systems in the Post-Socialist Space — between Past and Present // The Ritual Year. The Yearbook of the SIEF Working Group on the Ritual Year 6: The Inner and the Outer / ed. by M. Kõiva. Tartu: SIEF Working Group on the Ritual Year, 2011. P. 159–169.
- Antrosio J., Han S. The Editors' Note: Trade, Trading, and Inequality // Open Anthropology. A Journal of American Anthropological Association. 2019. Vol. 7. No 3. [Электронный ресурс]. <https://www.americananthro.org/StayInformed/OAArticleDetail.aspx?ItemNumber=25346> (дата обращения: 10.05.2023).
- Bardhoshi N., Lelaj O. Etnografi në diktaturë: dija, shteti dhe holokausti ynë. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2018. 368 p.
- Brøgger B. Economic Anthropology, Trade and Innovation // Social Anthropology. 2009. Vol. 17. No 3. P. 318–333. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8676.2009.00072.x>
- Carrithers M. Anthropology as a Moral Science of Possibilities // Current Anthropology. 2004. Vol. 46. P. 433–456. <https://doi.org/10.1086/44606>
- Doja A. From the Native Point of View: An Insider/Outsider Perspective on Folkloric Archaism and Modern Anthropology in Albania // History of the Human Sciences. 2015. Vol. 28. No. 4. P. 44–75.
- Elsie R. Historical Dictionary of Albania. Lanham: Scarecrow Press. (European historical dictionaries), 2004. 662 p.
- Gjergji A. Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore, 1988. 288 p.
- Glenny M. The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers, 1804–1999. New York: Penguin Books, 2001. 726 p.
- Hasbrouck J. Ethnographic Thinking. From Method to Mindset. London: Routledge, 2018. 140 p.
- Haxhihasani Q. Figura e shokut Enver Hoxha në këngët e popullit // Kultura Popullore. 1985. No. 1. P. 75–88.
- Hysa A. Pazari i vjetër i Gjirokastrës // Kultura Popullore. 2012. No. 1–2. P. 305–310.
- Kiel M. Ottoman Architecture in Albania, 1385–1912. Beşiktaş, Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2010. 342 p.

- Novik A. Gjirokastra Folklore Festival as the Main Ritual Event in Albanian Cultural Life at the Beginning of the 21st Century // *Yearbook of Balkan and Baltic Studies*. 2020. Vol. 3. No 1. P. 157–182. <https://doi.org/10.7592/YBBS3.08>
- Panajoti J., Kruta B. Folklori ynë në epokën e Partisë // *Kultura Popullore*. 1985. No. 1. P. 89–108.
- Pulaha S. Popullsia shqiptare gjatë shekujve XV–XVI: studime dhe dokumente. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Historisë, 1984. 721 p.
- Riza E. Qyteti muze i Gjirokastrës. Tiranë: Toena, 2004.
- Riza E. Banesat historike të Gjirokastrës // *Art & trashëgimi*. 2011. No. 2. P. 30–36.
- Shkodra Z. Esnafet shqiptare. (Shek. XV–XX). Tiranë: Akademia e Shkencave e R. P. të Shqipërisë; Instituti i Historisë, 1973. 390 p.
- Tirta M. Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore, 2004. 452 p.
- Tirta M. Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006. 540 p.

References

- Abazi, E., and A. Doja. 2016. From the Communist Point of view: Cultural Hegemony and Folkloric Manipulation in Albanian Studies Under Socialism. *Communist and Post-Communist Studies* 49(2): 163–178.
- Anastasova, E. 2011. The National Festive Systems in the Post-Socialist Space — between Past and Present. In *The Ritual Year. The Yearbook of the SIEF Working Group on the Ritual Year 6: The Inner and the Outer*, ed. by M. Kõiva. Tartu: SIEF Working Group on the Ritual Year. 159–169.
- Antrosio, J., and S. Han. 2019. The Editors' Note: Trade, Trading, and Inequality. *Open Anthropology. A Journal of American Anthropological Association* 7(3). <https://www.americananthro.org/StayInformed/OAArticleDetail.aspx?ItemNumber=25346>
- Bardhoshi, N., and O. Lelaj. 2018. *Etnografi në diktaturë: dija, shteti dhe holokausti ynë* [Ethnographer in Dictatorship: Knowledge, the State, and Our Holocaust]. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë. 368 p.
- Brøgger, B. 2009. Economic Anthropology, Trade and Innovation. *Social Anthropology* 17(3): 318–333. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8676.2009.00072.x>
- Carrithers, M. 2004. Anthropology as a Moral Science of Possibilities. *Current Anthropology* 46: 433–456. <https://doi.org/10.1086/44606>
- Doja, A. 2015. From the Native Point of View: An Insider/Outsider Perspective on Folkloric Archaism and Modern Anthropology in Albania. *History of the Human Sciences* 28(4): 44–75.
- Elsie, R. 2004. *Historical Dictionary of Albania*. Lanham: Scarecrow Press. (European historical dictionaries). 662 p.
- Fais-Leutskaja, O. D., and A. A. Novik. 2024. O trgovle v Yevrope: slovo antropologam [On Trade in Europe: a Word from Anthropologists]. *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 3: 5–12. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030013>
- Gjergji, A. 1988. *Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi* [Albanian Clothes for Centuries. Origin. Typology. Development]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore. 288 p.
- Glenny, M. 2001. *The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers, 1804–1999*. New York: Penguin Books. 726 p.
- Hasbrouck, J. 2018. *Ethnographic Thinking. From Method to Mindset*. London: Routledge. 140 p.
- Haxhihasani, Q. 1985. Figura e shokut Enver Hoxha në këngët e popullit [The Figure of Comrade Enver Hoxha in the Songs of the People]. *Kultura Popullore (Folk Culture)* 1: 75–88.
- Hysa, A. 2012. Pazari i vjetër i Gjirokastrës [Old Bazaar of Gjirokastra]. *Kultura Popullore (Folk Culture)* 1–2: 305–310.
- Ivanova, Yu. V. 2006. *Albantsy i ikh sosedi* [Albanians and their Neighbors]. Moscow: Nauka. 368 p.

- Kiel, M. 2010. *Ottoman Architecture in Albania, 1385–1912*. Beşiktaş, Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture. 342 p.
- Kucheroва, I. A. 2024. Islandskie suveniry: “vzgliad turista” vs “mestnyy vzglyad” [Icelandic Souvenirs: “Tourist View” vs. “Local View”]. *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 3: 114–136.
- Martynova, M. Yu. 1998. *Balkanskiy krizis: narody i politika* [The Balkan Crisis: Peoples and Politics]. Moscow: Staryy sad. 466 p.
- Novik, A. 2016. Traditsionnoe vs fol’klornoe: «narodnaia» odezhda na fol’klornom festivale v Gjirokastrë [Traditional vs. Folklore: “Folk” Clothes at the Folklore Festival in Gjirokastrë]. In *Moda i dizain: istoricheskii opyt — novye tekhnologii. Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (24–27 maya 2016 g.)* [Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies: Materials of the XIX International Scientific Conference (May 24–27, 2016)], ed. by N. Kalashnikova. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 280–283.
- Novik, A. 2020. Gjirokastra Folklore Festival as the Main Ritual Event in Albanian Cultural Life at the Beginning of the 21st Century. *Yearbook of Balkan and Baltic Studies* 3(1): 157–182. <https://doi.org/10.7592/YBBS3.08>
- Novik, A. 2024. Krepost’ Girokastry v Albanii: muzey i mesto pamyati [Gjirokastra Fortress in Albania: Museum and Place of Memory]. *Vestnik kul’turologii (Bulletin of Cultural Studies)* 3(110): 198–223. <https://doi.org/10.31249/hoc/2024.03.12>
- Novik, A. A. 2023. Bazar i diukian, yarmarka i market: evoliutsiia torgovli v Albanii v nachale XXI v. [Bazar and Dyqan, Fair and Shop: Evolution of Trade in Albania at the Beginning of the XXI Century]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 121–143. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/121-143>
- Panajoti, J., and B. Kruta. 1985. Folklori ynë në epokën e Partisë [Our Folklore in the Party Era]. *Kultura Popullore (Folk Culture)* 1: 89–108.
- Pulaha, S. 1984. *Popullsia shqiptare gjatë shekujve XV–XVI: studime dhe dokumente* [The Albanian Population during the XV–XVI Centuries: Studies and Documents]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Historisë. 721 p.
- Riza, E. 2004. *Qyteti muze i Gjirokastrës* [Gjirokastra — Museum City]. Tiranë: Toena.
- Riza, E. 2011. Banesat historike të Gjirokastrës [Historic Dwellings of Gjirokastra]. *Art & trashëgimi (Art & Heritage)* 2: 30–36.
- Shkodra, Z. 1973. *Esnafet shqiptare. (Shek. XV–XX)* [Albanian Guilds. (XV–XX centuries)]. Tiranë: Akademia e Shkencave e R. P. të Shqipërisë; Instituti i Historisë. 390 p.
- Smirnova, N. D. 2003. *Istoriia Albanii v XX veke* [History of Albania in the 20th Century]. Moscow: Nauka. 432 p.
- Tirta, M. 2004. *Mitologjia ndër shqiptarë* [Albanian Mythology]. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore. 452 p.
- Tirta, M. 2006. *Etnologjia e shqiptarëve* [Ethnology of Albanians]. Tiranë: GEER. 540 p.